

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
ВОПРОСЫ ЭТНОНИМИИ
ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
(отв. ред. – С.А. Арутюнов, Л.И. Миссонова)**

**ЭТНОНИМИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ**

Л.И. Миссонова

Людмила Ивановна Миссонова | <http://orcid.org/0000-0002-7376-3434> | missmila@iea.ras.ru | к. и. н., ведущий научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

этноним, тунгусо-маньчжурские народы, Сахалин, Амур, уйльта, уильта, орочены, ороки, этническая идентичность, малочисленные народы Севера

Аннотация

Заявленная тема номера посвящена вопросам этнонимии тунгусо-маньчжурских народов, нивхов и айнов Тихоокеанского региона. Представленные статьи демонстрируют уровень изучения этнонимии в настоящий период времени, а также естественную взаимосвязь этнонимов островного, прежде всего сахалинского, и материкового пространств. Написанию статей предшествовала многолетняя экспедиционная работа всех авторов, проведенная непосредственно в местах исторического и современного расселения дальневосточных индигенных общностей. Этнонимы многогранно отражают различные этапы определения групповой идентичности, они изучаются как с лингвистической, этимологической, так и с этносоциоантропологической точек зрения. На современном этапе сами этнонимы влияют на этническую самоидентификацию коренного населения пограничной дальневосточной территории. Настоящий тематический блок представляет собой попытку междисциплинарного подхода лингвистов и этнологов к изучению вопросов этнонимии, в него вошли статьи А.М. Певнова, Ю. Янхунена, М.В. Осиповой, Ю.А. Груздевой и М.Г. Тэминой, С.А. Арутюнова.

Работы, собранные в данном блоке, можно рассматривать как обсуждение вопросов, поднятых в недавних публикациях А.Ф. Старцева “Классификация и этимология этнонимов ороков Сахалина в отечественной литературе” и “Нерешенные проблемы этнонимии ороков Сахалина в трудах российских и зарубежных исследователей”, посвященных проблемам этнонимии ороков

Статья поступила 18.02.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 24.02.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Миссонова Л.И. Этнонимия как исторический источник для определения групповой идентичности в Тихоокеанском регионе // *Этнографическое обозрение*. 2022. № 2. С. 5–22. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020014> EDN: HPXQBV

Missonova, L.I. 2022. Etonimiiia kak istoricheskii istochnik dlia opredeleniia gruppovoi identichnosti v Tikhookeanskom regione [Ethnonymics as a Historical Source for Studying Group Identities in Northeast Asia]. *Этнографическое обозрение* 2: 5–22. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020014> EDN: HPXQBV

Сахалина (Старцев 2018, 2020). Прочтение этих статей приводит сразу к нескольким выводам:

1. Заниматься этимологией этнонимов можно только гипотетически; ученые должны понимать, что каждое новое исследование, вполне вероятно, будет вносить дополнения, способные скорректировать или совершенно изменить первоначальные предположения, сформулированные в тот или иной период времени.

2. Полностью раз и навсегда решить исследовательские проблемы в области этнонимии не видится возможным, поэтому такая постановка задачи сама по себе неразумна.

3. Любое построение каких-либо лингвистических схем для этимологического анализа этнонима непрофессиональными лингвистами, не владеющими знаниями о строении конкретного языка (или группы языков), будет некорректным; гипотетические данные этногенеза или мифологические материалы фольклора не могут служить безусловным основанием для лингвистического анализа этнонимов.

4. С большой осторожностью следует сопоставлять этнонимы на латинице и кириллице, нужно учитывать их первоначальное написание.

5. Необходимо помнить, что самоназвания зачастую устанавливались тогда, когда письменности у народов (в данном случае Тихоокеанского региона) еще не было, а следовательно унаследованы, различия неизбежны.

6. Важно различать этнонимы, записанные переписчиками, чиновниками, этнографами, лингвистами и людьми, владеющими языком с детства.

7. Каждый этноним служит выражением групповой идентичности – это относится как к историческим, так и к современным этнонимам, только задачи самоопределения разные; этнонимия интересна не только с лингвистической или этимологической позиций (что абсолютно закономерно для лингвистов).

8. Процессы развития самих этнонимов и их воздействия на групповую идентичность остаются актуальны для этнологических и социально-антропологических исследований и в XXI в.; нельзя рассматривать вопросы этнонимии отдельного, как бы вырезанного из культурного ландшафта народа, необходимо сопоставление с материалами по соседствующим с ним индигенным общностям, в данном случае Тихоокеанского региона, – некоторым тунгусо-маньчжурским народам, нивхам и айнам.

Сама история исследования сахалинской этнонимии ставит сегодня новые жизненные вопросы. Рассматривать культуру айнов и нивхов отдельно от культуры тунгусо-маньчжурских этнических общностей островного пространства региона в настоящее время не совсем корректно. Существуют артефакты, которые однозначно атрибутировать тому или иному коренному народу островов не представляется возможным и не имеет смысла. Так как территория обитания предков была единой, то она осваивалась на протяжении многих поколений в одинаковых для всех этнических общностей географических и климатических условиях. В таких условиях использование разными народами схожих понятий для описания предметов/явлений вполне логично. При этом, поскольку территория Сахалина (и соседних островов) достаточно обширна, представители разных общностей могли вести свое хозяйство, не мешая друг другу. Занимаемые ими экологические ниши могли соприкасаться и пересекаться (трансграничные ниши), и все это находило отражение в бытовавшей лексике. Перекрестное восприятие смыслового содержания лексических единиц (изнутри и извне) в сложном межэтническом пространстве приводит к естественным проблемам в изучении этнонимов.

Самоназвания народов Тихоокеанского региона издавна интересовали ученых и путешественников. Так, говоря о роли Л.И. Шренка в исследовании в XVIII в. Приамурья, Приморья и Сахалина, Ю.А. Сем указал:

...большое внимание Л.И. Шренк в своей работе обращает на этнонимы, название народов. Он ввел в научный оборот многие такие названия. По мере своих сил и возможностей он попытался дать им трактовку. Вот лишь некоторые из них, которые используются до настоящего времени в трудах ученых: хэчже най ‘живущие книзу люди’; мангуны = мангу ‘Амур’ + ны/ни ‘люди’ = ‘Амурские люди’; ламука = ламу + ка ‘жители’ = ‘приморские жители’; Дондон най ‘Жители, люди из селения Дондон’; попытался связать слово XVII в. “натки” с названием най ‘человек, люди’ (Сем 2003: 90).

А сам Л.И. Шренк отмечал:

Хотя они сами и не называют себя этимъ именемъ, но най по-гольдски значить “люди”, причем слово это связывается съ именемъ какой-либо отдѣльной мѣстности для обозначения ея жителей. Кромѣ того, посреди гольдской области есть сравнительно большое селеніе, носящее названіе “Найхе”; но существуетъ ли какая-нибудь этимологическая связь между этимъ названіемъ и вышеупомянутымъ словомъ, я не беруся рѣшать (Шренк 1883: 117).

В начале XX в. И.А. Лопатин, анализирувавший историю Маньчжурии и тунгусских народов, отмечал: “Более всего путаницы в наименовании народов. Часто один и тот же народ имеет в письменности несколько названий, или, наоборот, под одним именем оказывается несколько различных народов” (Лопатин 1922: 7).

Тем не менее в середине XX в. ситуация немного изменилась. При обращении к докладным запискам сотрудников ИЭА РАН, составленным на основании полевых наблюдений и направленных в 1959–1962 гг. в местные и центральные органы власти, становится очевидно, что в этот период вопросам этнонимии не уделялось особого внимания: кроме отдельных таблиц с указанием численности представителей тех или иных народов, работающих в колхозах изучаемого региона, никаких других данных, имеющих отношение к этнонимии, не приводится (см., напр., докладную записку А.В. Смоляк [Соколова, Пивнева 2005: 199–227]). Г.М. Василевич замечает, что если в колхозе преобладали представители индигенного населения, к примеру эвенки, он числился “эвенкийским колхозом” (Там же: 10).

Статьи состоявшихся ученых, представленные в этом блоке, демонстрируют уровень изучения этнонимии Тихоокеанского культурного ареала, достигнутый к данному времени, а также естественную взаимосвязь этнонимов островного и материкового пространств. Важно, что написанию этих статей предшествовала многолетняя экспедиционная работа всех авторов в местах исторического и современного расселения этнических общностей Тихоокеанского региона – пограничной (во всех смыслах) территории. Этнонимы в многогранных их проявлениях напрямую связаны с жизненной необходимостью индигенных общностей определять (выделять или отделять) свою групповую идентичность. Публикуемый блок статей представляет собой попытку междисциплинарного подхода к изучению этнонимии тихоокеанского культурного пространства.

Уйльта, уйльта, орочёны, ороки?

Известно, что в XIX в. для обозначения народов Дальневосточного региона использовались этнонимы *сантаны*, *ороки*, *сумеренкуру*, *гиляки*, *мангуны* (Мамия 1938: 28–29, 56–57 и др.); подчеркнем, что в этот перечень включалось и наименование “ороки”. Но правомерно ли в XXI в. ставить в один ряд этнонимы “нанайцы” (уже не голянды), “нивхи” (уже не гиляки) и “ороки”? Ведь последние по воле чиновников внесены в Перечень народов РФ (для переписей 2002 и 2010 гг.) как “уйльта” – сегодня это официальное государственное наи-

менованье народа, хотя в написании слова действительно есть ошибка, которую справедливо отмечали лингвисты А.М. Певнов и Т. Цумагари. Заметим, что, выступая в качестве научного редактора, Т. Цумагари, прекрасно разбиравшийся в лингвистических тонкостях тунгусо-маньчжурских языков, из уважения к законам нашего государства в заглавии книги, вышедшей на русском, использовал официальное наименование (уйльта): “Сказания и легенды народа уйльта” (Икегами 2007). И если именно этот термин используется в официальных документах, то почему вызывает удивление его появление в научных работах нашего времени (вероятно, использование правильного написания – уильта – вполне допустимо, если автор делает соответствующие оговорки). Остается только сожалеть, что чиновники не обратились к лингвистам, когда в 1990-е годы решался вопрос об изменении наименования народа, и надеяться, что правильное написание все же будет признано на государственном уровне. (Хотя уже то, что народ перестали записывать ороками или ороченами/орочами, вселяет некоторую уверенность, что групповая этническая идентичность будет выявлена более корректно, а численность не будет настолько искажена.)

В обращениях 1990 г. жителей г. Поронайска и с. Вал о переименовании народа фигурировало как желаемое название “ульта” (Кузнецов, Миссонова 1991, прилож. 1–3). Этот вопрос на уровне Государственного комитета Российской Федерации по статистике решался в начале 1999 г. В документах того времени (обращения комитета за консультацией в ИЭА РАН и в ответных письмах института) употреблялись названия “уйльта” или “ульта”, этноним “уйльта” не обсуждался. Когда и на каком этапе рассмотрения вопроса в органах власти он возник – не ясно. Е.А. Бибикина и С. Минато, информанты и соавторы первого уильтинского букваря, изданного в 2008 г., рассказывали, что в 1990-е годы во время работы над букварем японский проф. Дз. Икегами (из Университета Хоккайдо) преподавал им грамматику родного языка, это были их первые уроки. Во время презентации букваря 2008 г. широко использовался этноним уйльта, т.к. еще не знали, что в тунгусо-маньчжурских языках три согласных подряд в одном слове не допускаются. Подчеркнем, что к моменту выхода букваря прошла Перепись населения РФ 2002 г. и утвердилось официальное название народа – “уйльта”. При этом сохраняется (что нелепо) “ороки (ульта)” и в ныне действующем Едином перечне коренных малочисленных народов РФ (утвержден постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255).

История этнонимии уильтинского народа изложена и проанализирована многократно автором данной статьи. В 1991 г. по результатам первой экспедиции на Сахалин в июле–сентябре 1990 г., организованной с целью проверки результатов переписи населения, была опубликована статья в “Исследованиях по прикладной и неотложной этнологии”, в которой использовано название “ороки” (согласно переписи 1989 г.) (Кузнецов, Миссонова 1991). В последующие годы вышел целый ряд работ по этой тематике (Миссонова 2002, 2006 и др.). Нет смысла вновь приводить здесь многочисленные наименования народа и историю их бытования. Остановимся лишь на тех, которые необходимы в рамках заявленной темы.

Ю. Янхунен, рассматривая этимологию этнонима *Orok*, отмечал, что утвердившееся среди ученых мнение о связи этого слова с тунгусским термином “северный олень” (поскольку люди, известные под именем уилта, являются оленеводами) несостоятельно. Исследователь демонстрирует, что такое объяснение неправдоподобно и предлагает рассмотреть связь этнонима *Orok* с широко распространенным на материке родовым этнонимом *Uryangkhai*. Это наименование народа, по мнению автора, закрепилось за “ороками” через языки их соседей – сахалинских айнов и сахалинских гиляков. История этнонима *орок* служит иллюстрацией “лингвистического симбиоза” аборигенов Сахалина

(Austerlitz 1989, цит. по: *Janhunen* 2014: 78). Три языка коренных народов острова появились здесь в таком порядке: гилякский, айнский, орокский (что связано с последовательностью переселения этих народов на Сахалин; см. статью Ю. Янхунена в данном блоке). И гиляки, и айны видели в ороках более поздних переселенцев, и это может быть одной из причин, по которой они стали известны как урянхай – этот вариант этнонима распространен на материке. В отличие от гиляков и айнов, а также от ульчей (на материке), для ороков оленеводство стало основой жизнедеятельности. Как это произошло – интересный вопрос, на который предстоит ответить исторической этнографии, заключает Ю. Янхунен, но название *ороки* старше, чем их оленеводство (*Janhunen* 2014: 71–81). (Об образовании экзоэтнонимов нивхов от тунгусо-маньчжурского корня *гилэ* см. статью Е.Ю. Груздевой и М.Г. Тэминой в данном блоке.)

Приведем пример из уильгинско-японского словаря Н. Магата, в котором поясняется значение слов “ogókko” – так “айну” называют народ “уирута” (запись по-японски *ウイルタ* катаканой означает, что это слово в языке иностранное; звук *л* в яп. яз. отсутствует), “oginili” – так “уирута” называют народ “гирия:ку” (т.е. гиляков) и выражения “aṅdái kalá” – обозначает “другие народы” (иноземцы) (*Magata* 1981: 7, 158–159). Очевидно, что этнонимы, относящиеся к бесписьменным языкам, произносились (а позднее и записывались) так, как они были услышаны представителями разных народов и как их удобнее было употреблять в реальной жизни.

В “Эвенкийско-русском словаре” 1958 г. – одном из основополагающих словарей эвенкийского языка находим: “**орон** олень (домашний) [...*Орок* ула...]”; “**орочён** оленевод (*прежнее самоназвание забайкальско-амурской группы оленных эвенков*) [*Эвен орочел* *прежнее самоназвание охотских и камчатских эвенков*]”; “**орочй** оленный, имеющий оленей” (*Василевич* 1958: 327). Слово “улта” из сахалинского диалекта эвенкийского языка переводится на русский язык как “орók (мужчина)” (Там же: 439). Значит, сахалинские эвенки ороками их не называли.

Почему на русский язык слово переводится именно как “орок”, если все исследователи отмечают, что представители этой этнической общности в XX в. сами себя так не именовали? Видимо, причина кроется в далеком прошлом. Под сходным названием народ известен и в маньчжурских летописях – орун-чун (*Патканов* 1906: 132). Важную попытку гипотетически объяснить появление наименования *orókko* в языке именно этой тунгусо-маньчжурской общности делает А.М. Певнов (см. статью в данном блоке).

Наибольшее число вопросов вызывает перевод уильгинских фраз на русский язык в словарных статьях, созданных на основе архивных полевых материалов К.А. Новиковой. Из текстовых фрагментов бытовой и фольклорной речи абсолютно ясно, что все информанты в 1949–1951 гг., т.е. “в пору активного функционирования” языка, говорили о себе и своем народе “ујилта (ујл’та, ул’та)”, но при этом везде их “самоназвание” переводится “орок, ороки” (*Озолина* 2001: 5–6, 374–375 и др.). Не по той ли это причине, что так уже было записано в официальных документах (а в дальнейшем во всех переписях населения СССР)? Разговоры на эту тему были у меня с А.В. Смоляк, которая четко объясняла свое употребление этнонима “ороки” именно этим. В 1990-е годы она (когда сама из-за почтенного возраста уже не могла ездить в экспедиции) с большим интересом слушала сообщения коллег о народе, представители которого в конце XX в. хотели внести в паспорта свое самоназвание, и задавала массу вопросов. Получается, что этноним *ороки*, попав как заимствование в язык этого народа, далее уже жил своей жизнью: его использовали соседние народы (см. статью А.М. Певнова в данном блоке). В советский период форма *ороки* превалировала в официальных

документах, порождая обстоятельства, ведущие к искажению численности народа, его групповой идентичности. Этим и были вызваны обращения представителей народа в государственные органы с просьбой об утверждении в качестве официального названия народа “ульта”.

Своя история жизни имеется и у этнонима *орочены*.

По оборотам речи, ороченский язык не лишен некоторой картинности и известной доли своеобразной поэзии. Так, например, фраза: “солнце взошло”, по-ороченски звучит “сяу гаппахани”, что в образном переводе, собственно, означает: “солнце воспрянуло из моря, как стрела лука”. По фонетике своей, ороченский язык чрезвычайно энергичен и в то же время своеобразно музыкален. Кроме того, он в высшей степени приспособлен к условиям охотничьей жизни самих орочен, давая им возможность переговариваться между собою на значительных расстояниях. Но в то же самое время произношение ороченского языка до крайности тонко... Если... принять во внимание, что ороченской речи, вообще, свойственны такие звуки, каких нет вовсе в русском языке, и что в числе их имеется значительное число гортанных и носовых звуков, то станет понятным, почему произношение этого языка нельзя не отнести к числу весьма трудных (Леонтович 1896: 9–10).

Во Владивостоке “Генерального Штаба, Капитан” С. Леонтович написал 22 декабря 1895 г.:

...вследствие чрезвычайной тонкости и сбивчивости произношения, обусловливаемой отсутствием письменности... многое в предлагаемом словаре выяснить вовсе не удалось, многое выяснено не вполне, а многое, быть может, и записано не совсем точно. В таком случае, дело других – дополнить и исправить его! (Там же: IV–V)

Капитану удалось записать следующие этнонимы:

Тунгус – Кила (Там же: 132).

Аинец – Куи (Там же: 46).

Якут – Ёко (Там же: 146).

Китаец – Нинка (Там же: 75).

Японец – Шиша (Там же: 147).

Объяснения С. Леонтовича выглядят логичными и справедливыми:

Письменности ороченский язык ...не имеет, и в силу этого его нельзя считать прочно установившимся ни в отношении всех грамматических его форм, ни в отношении произношения, некоторая произвольность которого становится очевидной при повторных вопросах даже одного и того же лица <...> если принять во внимание разъединяющее значение суровой еледоступной природы... Даже такие незначительные, сами по себе, расстояния, как 25-30 верст, при этих условиях оказывают на язык уже заметное в этом отношении влияние (Там же: 8).

Из переписки 1924–1939 гг. С.М. Широкогорова и главного редактора журнала “Польского товарищества ориенталистов” В.Л. Котвича стало известно, что С.М. Широкогоров, если бы ему удалось найти “хотя бы небольшие средства” на поездку, намеревался в 1925 г. заняться изучением языка “ороков” Сахалина. За год до этого он писал, что у них “с Елизаветой Николаевной (Е.Н. Широкогорова – жена С.М. Широкогорова. – Л.М.)” есть на Сахалине “друзья – тунгусы”, к которым она ездила на месяц в 1924 г., чтобы избежать тропической жары в Китае, соединив “отдых с небольшим делом” (Архив В. Котвича: Т. 6. Л. 120б–13). Так как Е.Н. Широкогорова могла приехать из Китая только на Южный Сахалин, в 1905–1945 гг. относящийся к губернаторству Карафуту (Япония), вероятнее всего, она могла посетить Корсаков и “тунгусов” (т.е. эвенков и уйльта/ороков, зачастую состоявших в смешанных браках и занимающихся оленеводством), живущих в Поронайском районе (на о-ве Сачи – японское название тех лет; ныне

о-в Южный). Готовясь к поездке, С.М. Широкогоров пытается заранее изучить этнонимию народа: “А нет ли в словаре Пилсудского (это ведь ороки Сахалина?) указаний как себя называют ороки и перечень их родов?” (Архив В. Котвича: Т. 6. Л. 79). Остается только сожалеть, что экспедиция не состоялась. Можно предположить, что С.М. Широкогоров употреблял этноним “ороки”, чтобы не смешивать этот народ с ороченами. Он писал: “...под именем орочен я буду раз-уметь не только орочен нерчинского и читинского уез., как это принято официально и перенесено г. Паткановым в литературу, а всех забайкальских тунгусов-оленевонов, в противоположность кочевым тунгусам-скотоводам” (СПбФА: Л. 1). Обратим внимание, что Д.Д. Андерсон и Д.В. Арзютлов, современные исследова-тели наследия С.М. Широкогорова, опубликовали статью на английском языке, в которой используют сразу все три этнонима – “Tungus-Orochens (Evenkis)” – для обозначения этой этнической группы, вероятно, чтобы не было сомнений в том, кого же в этот период изучали С.М. и Е.Н. Широкогоровы: “Летом 1912 г. и снова в 1913 г. пара отправилась в степи по ту сторону озера Байкал, чтобы проследить этническое происхождение местных тунгусов-ороченов (эвенков)” (*Anderson, Arzyutov* 2019: 744; Отчет 1914). Полагаю, что восприятие этих этнонимов ан-глоязычным читателем еще более запутанное, чем русско- или японоязычным (*Tungus Dictionary* 1914).

В архивах Польши и Японии хранятся рукописи С.М. Широкогорова – его лингвистические, этнографические, социально-антропологические исследова-ния различных общностей, прежде всего “манджуру-тунгусской”, тюркской и монгольской (Архив Н.А. Невского; Архив В. Котвича). Одной из обсуждаемых оказалась тема о значении “ого”. Так, в одном из писем С.М. Широкогоров пи-сал В.Л. Котвичу:

...что касается огопа, то же значение “захождения” как это от бурятского... меня на-вело на мысль об этнографическом комплексе “захода – восхода” etc. т.е. движения солнца как одушевленного существа. Огопа... мне представляется... формой от ого – входить... в этнографическом сознании Монголов их старый термин от ого – входить [Мне очень приятно, что ого – место, etc. Вы считаете турецким, т.к. ...мне всегда казалось что это слово не тунгусское и не монгольское, а источника я не знаю] (Архив В. Котвича: Т. 6. Л. 58).

В рассуждениях о тунгусской лексике и лингвистике С.М. Широкогоров пишет, что

к “логике” тунгусского анализа “отношений во времени и пространстве” я себе хорошо набил руку. Посему... вспомню, что “здешний” как самоназвание народов все больше и больше уступает место другим названиям при более детальном изучении языков и оно /это идея/ было скорее вызвано обще-теоретическими соображениями о “примитивно-сти” всех народов кроме европейцев, – психология либеральствующих эволюционистов 19 века (Архив В. Котвича. Т. 7. Л. 58 об).

(О понятии “здешний” по отношению к этнониму “нивх” см. статью М.Ю. Груздевой и М.Г. Тэминой в данном блоке.) Как подчеркнула У. Йохансен, радикализм размышлений привел С.М. Широкогорова к результатам, опережав-шим этнологию того времени на добрые 50 лет, она отметила его «культурно-эко-логический образ мышления или же постулат восприятия исследуемых народов в соответствии с их собственными психоментальными представлениями, а не со-образно “комплексу исследователя”» (*Йохансен* 2002: 42).

Из-за многочисленности и запутанности бытования этнонимов попытки найти ответ на вопрос о расселении и численности уильтинской общности при-водили к разным результатам (*Невельской* 1969: 262, 266–267, 286–287, 289). Так, А.П. Лаббэ в 1899 г. сообщает о 773 ороках на Сахалине (*Лаббэ* 1903: 15).

Перепись 1897 г. зарегистрировала на Сахалине 749 “орочон” в Тымовском и Корсаковском округах. Б.О. Пилсудский пишет о 246 ороках южной группы и 278 – северной группы (*Пилсудский* 1989: 27). В 1912–1913 гг. среди сахалинских инородцев было зафиксировано “ороков 74 д.м.п. и 55 д.ж.п. при 20 хозяйствах” (ГИАСО: Л. 1 [1916 г.]).

В 1905 г. южная часть Сахалина отошла к Японии, а в 1920–1925 гг. и северная его часть была оккупирована японцами. Перепись 1926–1927 гг. проходила, естественно, только на территории советского, т.е. Северного, Сахалина. Полученные в ее ходе данные о численности разнятся. Так, ссылаясь на материалы переписи, одни источники говорят о 162 “ороках” (*Кузнецов* 1999: 39–41). Другие – о том, что “численность ороков в СССР, согласно переписи 1926 г., – 182 чел., зарубежных – 298 чел. (по данным японской статистики 1928 г.)” (Архив МАЭ: Д. 23. Л. 1025). Третьи утверждают, что в северной, советской части Сахалина было 157 ороков, из которых 22 были оленеводами и вели кочевой образ жизни; в южной части Сахалина “в современных районах Поронайском, Холмском и Корсаковском” проживало примерно 300 ороков. “Бывали случаи перекочевок ороков-оленеводов из южной части Сахалина в северную” (Архив МАЭ: Д. 23. Л. 8).

Когда Южный Сахалин вновь вошел в состав СССР, часть уильтинского населения уехала в Японию вместе с японцами. По подсчетам исследователей второй половины XIX–XX вв. и переписей конца XVIII – начала XX в. численность уильтинской общности к середине XX в. составляла от 350 до 773 человек. Сведения в переписях могли быть ошибочными из-за путаницы в этнонимах: в переписных листах значились “орочоны”, а так называли в разные времена и представителей других тунгусоязычных этнических общностей. С. Леонтович, к примеру, объясняет причины, побудившие его взяться за составление русско-ороченского словаря, так:

Прилагаемый словарь составлен в бытность мою в экспедиции, снаряженной военным ведомством летом 1894 года, для исследования бассейна реки Тумнин, (впадающей в Татарский пролив, севернее Императорской гавани)... В экспедицию эту взят был существовавший уже в то время ороченский словарь г. Протодиаконова, изданный православным миссионерским обществом. Но, паче чаяния, он оказался почти совершенно бесполезным. Причины этого заключаются в том, во первых, что главная масса слов этого словаря относится, по утверждению тумнинских орочен, к амурскому наречию, которое для большинства из них, не побывавших на Амуре, не совсем понятно; во вторых, словарь этот не дает никаких указаний на общие основные законы ороченской речи. Эти обстоятельства и послужили побудительной причиной к составлению предлагаемого словаря (*Леонтович* 1896: III–IV).

В 1922 г. И.А. Лопатин писал: “Тунгусские и маньчжурские народы составляют, конечно, одну группу народов, но не следует их смешивать... Некоторые писатели совершенно неправильно причисляют орочонов (также орочен, как будто от ороче) к маньчжурам, а орочей – к тунгусам, а другие называют обоих ороचनाми” (*Лопатин* 1922: 20). К тунгусской группе (входящей в состав урало-алтайских языков), по мнению И.А. Лопатина, относятся: “...1) мангуны (ольчи), ороки, негда (нейдальцы), сама- гиры, 2) дауры, 3) маньчжуры, гольды, орочи, 3) тунгусы собственно (ламуты, орочны) и манегры” (Там же: 18) (см.: прим. 13 в статье А.М. Певнова в данном блоке).

В “Сахалинских календарях” на 1898 и 1899 годы приводится одинаковая численность “орочон” (“ороков” нет совсем), зафиксированных в Тымовском – 231 мужчина и 206 женщин – и в Корсаковском – 276 мужчин и 157 женщин – округах, т.е. всего 774 ороचना (Сахалинский календарь 1898, 1899). В 1912 г. С. Патканов заключал: «Племя ороков, родственное ольчам и скитающееся на

средней части острова, в переписном материале ошибочно названо “орочонами”» (*Патканов* 1912: 1000).

При первом знакомстве с “тунгусоязычными общностями”, “ездившими и возившими груз на оленях”, русские называли их “оленными тунгусами”, а с конца XVIII в. на некоторых из них перенесли маньчжурское название “орунчун”. Эта неопределенность названия отразилась в переписных материалах. По мнению С. Патканова, восточные орочоны бассейна р. Тунгуски – это “орочи”, главная область расселения которых лежит далее к востоку, а западные – настоящие “орочоны” (*Патканов* 1906: 2–3).

В одной из известных книг С.М. Широкогорова “Социальная организация северных тунгусов” есть «12 дополнительных замечаний, где детально обсуждаются некоторые спорные вопросы тунгусской этнографии, как то: о значении имени “килин”, которым китайцы обозначали северных тунгусов вообще, а не какое-то племя, сейчас исчезнувшее...» (*Гапанович* б.г. Л. 14).

[А из] имен, которые даются тунгусам, их настоящим именем, по Широкогову, является только “эвенки”, каковым именем они сами пользуются для обозначения чистоты происхождения тунгусских племен; в связи с этим автор разъяснил значение имени “орочоны”, каковое прилагается к некоторым тунгусским племенам и есть слово маньчжурского, а не тунгусского корня... (Там же. Л. 7–8).

В японско-айнском словаре, известном под названием “Мосиго-уса” (составлен в 1792 г.), есть айнское выражение “орокко утару”, переведенное как “люди, живущие в местности Ориката”. В японском языке (начиная с сочинений Риндзо Мамия) ороки называются или “орокко”, или “додзин” (туземец), в то время как айны именуются “кюдодзин” (древние жители). Нивхи нижнего Амура называли ороков “тазунг” или “тозунг”, сахалинские нивхи – “ороко”, амурские ольчи – “улка” или “улька”. Русские пользуются словом “орочон” (*Маевич* 1994: 12–13).

В 1852 г. Н.К. Бошняк описывает как “орочон” или “орочей” жителей самой большой реки Сахалина – реки Тымы: они “говорят тунгусским языком с примесью гиляцких слов. Между ними существует предание, что они тунгусы, перекочевавшие на Сахалин из Удского края; поэтому они считают себя подданными России”. В 1858 г. Н.К. Бошняк называет их уже “тазонами” или “оро-гор” (*Бошняк* 1858: 189). М.С. Мицуль в 1873 г. пишет об орочонах как о племени, известном также под названием “орокко, орокес, ольча” (*Мицуль* 1873: 135). Л.И. Шренк после путешествий на Сахалин в 1855 и 1856 гг. называет эту этническую общность “кочующим племенем ороков” по р. Тымы (*Шренк* 1883). В 1896 г. Н.П. Попов рассказывал об “ороченах, живущих по Пороною” (*Попов* 1895). Доктор П. Лаббэ в 1903 г. также говорил о “крещеных ороках” (*Лаббэ* 1903: 15). У гиляков они известны как оронгада (на Амуре), оронгта (на западном берегу Сахалина) и ороко (в долине р. Тымы), у айнов как орохко. Важно заметить, что русские, впервые исследовавшие о-в Сахалин, не называли представителей этого народа ороками, поэтому не ясно, почему именно этот термин стал широко использоваться в официальных документах. Под сходным названием они известны и в маньчжурских летописях – орунчун (*Патканов* 1906: 132). В XX в. М.Г. Левин, Ю.А. Сем, Т.И. Петрова, А.В. Смоляк, В.В. Вязовская, Л. Алпатов, Т.В. Пенская и др. называли их ороками. Л. Алпатов (1930 г.) и Т.И. Петрова (1960-е годы) используют также этноним “ульта” (*Алпатов* 1930: 90–91; *Петрова* 1967). Е.П. Орлова (1930-е годы) приводит в своих исследованиях три этнонима как равнозначные “ороки-орочёны-ульта” (Архив МАЭ: Д. 23). Л. Алпатов постоянно связывает понятия “уля” (“олень”) и “ульта”, но такое сопоставление далеко не все ученые считают правомерным. Т.И. Петрова, изучив материалы М. Ринсо, Ф. Шмидта, П. Глена, Л.И. Шренка,

С. Патканова, Б.А. Васильева, Л.Я. Штернберга, пришла к выводу, что этимология слова “ул’та ~ ул’та (как и ульча) не ясна” (Петрова 1967: 5–6; см. комм. А.М. Певнова в его статье в данном блоке). Мягкость в произношении звука л задолго до исследования Т.И. Петровой описал капитан С. Леонтович: «Звук л произносится всегда мягко, как во французском и немецком языках или в некоторых русских словах, напр., в слове: “лето”» (Леонтович 1896: 11).

Ю.А. Сем, Л.И. Сем, Т.Ю. Сем отмечали, что, хотя подавляющая часть соседей ороков называет их терминами, корень которых один – орон, орок, орох (в переводе с эвенкийского языка “домашний олень”), самими ороками это название не используется и считается чужим. По мнению исследователей, на это еще в XIX в. обращал внимание Л.И. Шренк, хотя с лингвистической точки зрения такой анализ самоназвания ороков не подтверждается. Этимологию слова “ульта” надо искать в тех языках, где этот термин употребляется для обозначения ороков – эвенкийском, негидальском и в других тунгусских языках. Так, в эвенкийском слово “ульта” может быть связано с однокоренными словами “уил” (“водоворот”), “ула” (“река”), “улами” (“промочить, намочить”). Вероятно, это наименование (“ульта”) было дано поречанам в противоположность оленеводам – эвенкам и орокам. Таким образом, в названии ороков этнологи и лингвисты неоднократно отмечали двойственность: северные соседи с материка их называли по признаку их жизни на берегу реки, а соседи на Сахалине – по наличию в хозяйстве оленей (подробнее см.: Сем и др. 2011: 6–9).

В подтверждение важности и рек, и оленей в жизнедеятельности этого народа приведем примеры из словаря С. Леонтовича:

Олень: ручной, тунгусский – Оро (записаны и иные разновидности оленей. – Л.М.) (Леонтович 1896: 98).

Материк (суша) – На (Там же: 86).

Остров – Буача (Там же: 99).

Сахалин (остров) – Дуй (Там же: 120).

Амур (река) – Мамми (Там же: 46).

Река, речка – Ули (Там же: 118).

Вверх: по реке – Улэва (Там же: 51).

Внизу: реки (в устье) – Аджила,

Вниз, по реке – Аяки (Там же: 53).

Плыть: по течению реки – Аяки, против течения: вообще – Солоки, на шестах – Гайве (Там же: 104).

С конца XX в. и северная, и южная группы народа (хотя в XX в. в южной группе развивалось в большей мере рыболовство, а в XXI в. это можно сказать и о северной группе тоже) воспринимают происхождение своего названия от “ulaa” (“домашний олень”) (Ikegami 1997: 218; ПМА 2001–2004). Так трансформировалось с веками восприятие смысла самоидентификации общности. Процессы глобализации создают условия, при которых мужчины из уильтинско-эвенкийских семей потомственных оленеводов начинают играть новые социальные роли: некоторые с начала XXI в. получают рабочие места в нефтяных компаниях, обеспечивая тем самым своим семьям более высокий социальный статус среди населения поселка. Однако статус оленевода сохраняет свою ценность в памяти поколений как уильтинско-эвенкийских, так и их межэтнического окружения. Кроме того, тема оленеводства ярко представлена в современном прикладном искусстве (напр., на ежегодных фестивалях “Сокровища Севера” в Москве), в оформлении изданий фольклорных текстов коренных народов Сахалина (см. Рис. 1) (см., напр.: Храбрый Мэргэ 2018; Санги и др. 2019) и т.п. При этом в публикациях последних десятилетий используется официальный этноним “ульта”. Отметим, что единая групповая идентичность двух оленеводческих народов Сахалина фиксировалась и 100 лет назад. Так, Т.И. Петрова

Рис. 1. На открытии персональной выставки “Рыбья кожа” члена Сахалинского отделения “Союза художников России” уильтинского художника Вероники Осиповой. Южно-Сахалинск. Фото автора, 2021 г.

отмечала: “При переписях 1927 и 1959 гг. ороки учитывались вместе с сахалинскими эвенками” (Петрова 1967: 7).

А есть ли в уильтинской лексике слово “нани”, характерное для самоназваний многих соседних народов? На этом заостряла внимание Т.И. Петрова. В собранном ею материале “имеется слово н аннэ н и ‘житель земли, туземец’. По своему образованию оно близко к слову н а н и. Но в качестве самоназвания ороки это слово не употребляют” (Там же: 9). В словаре С. Леонтовича есть и такие, важные в контексте обсуждаемой темы понятия: “Род – Хала”; “Люди – Анды-не” (Леонтович 1896: 117, 86).

Изучение различных документов конца XIX – начала XX в. показало, что: в 1871 г. в официальной переписке служителей Православной церкви с чиновниками Главного управления Восточной Сибири “О миссионерской работе среди иноверцев на острове Сахалин” представителей данного инородческого населения называли “ороченами” (ГИАСО: Л. 10); в 1880–1916 гг. в метрических книгах их фиксировали “ороченами” (орочен и ороченка) (ГИАСО); под “тунгусами” числились иногда представители уильтинской общности, но чаще эвенки – никто из инородцев не называл себя служителю церкви “ороком” (Там же). В 1902 г. “Смотритель Поселений 1го участка Корсаковского Округа” сообщает в “Канцелярию Императорского Музея Александра III (Этнографическое отделение)” о возможности и готовности собирать “коллекции инородцев орочень и гиляков, живущих на о-ве Сахалин” (Архив РЭМ: Л. 1–2), т.е. понятие “ороки” в служебной переписке тех лет также не употреблялось.

Почему же С. Патканов (1912 г.) и Б.О. Пилсудский (1904 г.) используют именно наименование “ороки”? Можно ли утверждать, что они слышали это название от самого народа? Такой информации не находим. Возникает противоречивая ситуация: священники в метрических книгах не фиксируют ни одного орока, везде записывают со слов самих инородцев “происхождение от орочена...”, а ученые, не обращая внимания на это, называют представителей народа “ороками”. Возможно, Б.О. Пилсудский, будучи на Сахалине, начинает изучать народ, уже зная название “ороки”.

В одних и тех же документах начала 1930-х годов использовались поочередно три наименования народа: наравне с “ороченами”, “ороками” употреблялось и “ульта” (РГИА ДВ: Л. 58, 61, 137). А в 1986 г. сахалинскими областными властями была предпринята попытка обмена паспортов, где в графе “национальность” указывалось “орок” вместо “орочен”. Именно эта акция встретила сильное неприятие со стороны представителей данной общности, и власти области вынуждены были отменить свое решение. (Требования смены официального наименования выдвигали и айны Хоккайдо, которые желали использовать самоназвание *утари*. Подробнее об этом см. статью М.В. Осиповой в данном блоке.) Записать орочен/ороченов ороками попытались и при проведении переписи 1989 г. Созвучие названий языков – “орочский” и “ороченский” – привело к тому, что человек с родным ороченским языком фиксировался как ороч. А созвучие в обозначениях женщин этих национальностей – орочка/ороченка – в итоге привело к тому, что на Сахалине кроме 129 ороков были зарегистрированы 212 орочей, причем 136 из них в пос. Вал (до данным сельсовета), где никогда не было ни одного ороча. На Северном Сахалине национальность “орочен”/“орочёнка” была впервые записана в паспорта в 1932 г., на Южном Сахалине – после 1945 г., это наложило определенный отпечаток на восприятие несколькими поколениями своей этнической идентичности. Но в 1990-е годы люди преклонного возраста, еще свободно говорившие на родном языке, относили себя к носителям уильгинской идентичности.

В этническом самоопределении, как известно, основополагающую роль играет родной язык. При этом он может выходить из повседневного общения, но в памяти людей не перестает жить как язык предков. Поэтому многие представители коренных малочисленных народов Сахалина продолжают считать свои национальные языки родными, хотя с раннего детства в основном говорят на русском языке.

В последнее десятилетие на Сахалине постоянно ставятся вопросы преподавания языков коренных малочисленных народов. Так, по инициативе Министерства образования Сахалинской области в Институте развития образования Сахалинской области (г. Южно-Сахалинск; Л.Ю. Чистякова, И.А. Шпаченко, Е.В. Сверкунова) в настоящее время создается новый уильгинский букварь (авторы Е.А. Бибикина, С. Минато, Л.И. Миссонова, А.М. Певнов) (см.: Рис. 2), который должен выйти в издательстве “Просвещение” (Санкт-Петербург) в конце 2022 г., он предназначен для изучения уильгинского языка как иностранного. Это очень важный и необходимый шаг для сохранения языка этого народа. Статус букваря как учебного пособия даст возможность официального его использования. Созданный под руководством японского лингвиста Дз. Икэгами (при содействии компании “СахалинЭнерджи”) в 2008 г. букварь не задумывался для внедрения в систему образования РФ, он был рассчитан на детей, владеющих родным языком с раннего детства, – к сожалению, ни в России, ни Японии таких детей уже нет.

По данным учителя уильгинского языка школы-интерната № 3 г. Поронайска (о-в Южный) С. Минато, в 2021–2022 уч. г. уильгинский язык преподается лишь

Рис. 2. Во время работы над букварем уильтинского языка в Институте лингвистических исследований РАН (слева – представитель южного диалекта С. Минато; справа – представитель северного диалекта Е.А. Бибилова). Санкт-Петербург. Фото автора, 2021 г.

как факультативный – один час в неделю, поскольку нет официальных учебных пособий. В школе-интернате (единственном учебном заведении на Сахалине и в РФ, где изучается уильтинский язык) обучаются уйльта, эвенки, нанайцы, нивхи, корейцы, русские и азербайджанцы (уильтинский язык изучают: 1 кл. – 2 чел., 2 кл. – 5 чел., 3 кл. – 3 чел., 4 кл. – 5 чел., 5 кл. – 3 чел., 6 кл. – 5 чел., 7 кл. – 1 чел., 8 кл. – 4 чел., 9 кл. – 8 чел., 10 кл. – 7 чел., 11 кл. – 1 чел. [данные С. Минато, ноябрь 2021]).

Изучение этнонимов позволяет выявлять информацию о первоначальной групповой (этнической) идентичности. Одновременно, сохраняя свою лингвистическую основу, по прошествии времени этнонимы могут обозначать идентичность, далекую от изначальной. Более того, в XX–XXI вв. сами этнонимы активно влияют на самосознание и самоопределение представителей индигенных народов Тихоокеанского региона. В этой тонкой сфере общественного сознания крайне важно проявление корректности в использовании этнонимов (иногда даже вразрез с правилами русского языка), в форме, приемлемой для людей конкретной местности. Так, к примеру, в 2020 г. возник вопрос о форме женского рода от “нивхи”. Проведенные опросы на Амуре и Сахалине выявили четкую разницу в употреблении формы в этих регионах. На Амуре нивхи

считают, что название их национальности не должно изменяться по родам, особенно их возмущает использование слова “нивхинка”, а женщины массово отказываются называть себя “нивха” или “нивхка”, говоря “я – нивх”. На Сахалине иная ситуация: однозначно признается форма “нивха”. Это связано с традицией советского времени – так здесь записывали национальность в паспорте. Периодическое требование использовать форму “нивхка” всегда вызывает бурю негативных эмоций как на Сахалине (это отмечают представители Общественной палаты Сахалинской области), так и в Амурской области.

Благодарности

Выражаю благодарность за любезно предоставленную возможность использования в научных целях материалов Архива Научной библиотеки Польской академии знания и Польской академии наук (г. Краков) (Biblioteka Naukowa Polskiej Akademii Umiejetnosci i Polskiej Akademii Nauk) директору д-ру Каролине Гродзицкой (годы работы автора в архиве 2015, 2018 гг.) и директору д-ру Агнешке Флюда-Крокос (2019 г.).

Статья публикуется в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований “Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности. 2020–2022 гг.”.

Источники и материалы

- Архив В. Котвича – Архив Владислава Котвича. № 4600. Т. 6 (1924–1928). Л. 1–90; Т. 7 (1929–1939). Л. 1–88 // Библиотека Польской Академии наук и Польской Академии знания (г. Краков).
- Архив МАЭ – Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Ф. 23. Оп. I.
- Архив Н.А. Невского – Архив Н.А. Невского. № 088-12-С5(4) (В700). Л. 1–2. № 088-12-С5(1) (В700). Л. 7–8 // Библиотека Университета Тенри.
- Архив РЭМ – Архив Российского этнографического музея. Ф. 1. Оп. 2. Д. 65: Переписка с П.П. Вержбинец об этнографической коллекции, собранной на острове Сахалин. 9 сент. – 3 дек. 1902 г.
- Бошняк* 1858 – *Бошняк Н.К.* Экспедиция в Приамурском крае (Экспедиция на Сахалин с 20 февраля по 3 апреля 1852 года) // Морской сборник. 1858. Т. XXXVIII. № 12.
- Гапанович* б.г. – *Гапанович И.И.* Статья о книге С.М. Широкогорова “Social organization of the Northern Tungus with introductory chapters concerning geographical distribution and history of these groups by S.M. Shirokogoroff. The Commercial Press Limited, Shanghai, China, 1929.– XVI+428 pp., 9 maps, 5 illustrations, 14 tables” / Редакция сборников “Вольная Сибирь”, Прага. Рукопись // ГАРФ. Ф. Р-5869. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–15.
- Икегами* 2007 – *Икегами Дз.* Сказания и легенды народа уйльта / Ред. Т. Цумагари. Саппоро: Изд-во Филологического факультета Университета Хоккайдо.
- Василевич* 1958 – *Василевич Г.М.* (сост.) Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- ГИАСО – Государственный исторический архив Сахалинской области. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 42.
- Лаббэ* 1903 – *Лаббэ П.* Остров Сахалин. Путевые впечатления. М.: М.В. Ключин, 1903.
- Леонтович* 1896 – *Леонтович С.* (сост.) Краткий русско-ороченский словарь с грамматической заметкой. Наречие бассейна реки Тумнин, впадающей

- в Татарский пролив, севернее Императорской гавани // Записки Общества изучения Амурского края Филиального отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. V. Вып. II. Владивосток: Тип. Н.В. Ремезова, 1896.
- Мамия* 1938 – *Мамия Риндзо*. Путешествие в Восточной Тартарии. Кн. 1–2. Дайрен: Южно-Маньчжурская железнодорожная компания, 1938. (на яп. яз.) // Архив Библиотеки Национального музея этнологии, г. Осака, Япония.
- Мицуль* 1873 – *Мицуль М.С.* Очерк острова Сахалин в сельскохозяйственном отношении. СПб.: Общедоступ. тип. и лит. А.Е. Ландау и К°, 1873.
- Невельской* 1969 [1878] – *Невельской Г.И.* Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1955. (Приамурский и Приуссурийский край. Посмертные записки адмирала Невельского, изданные супругой покойного Екатериной Ивановной Невельской). Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1969 [1878].
- Озолия* 2001 – *Озолия Л.В.* Орокско-русский словарь / Отв. ред. Б.В. Болдырев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.
- Отчет 1914 – Отчет о поездках к тунгусам и ороченам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг. С.М. и Е.Н. Широкогоровых // Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Серия 2. № 3. Петроград, 1914. С. 129–146.
- Патканов* 1906 – *Патканов С.* Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. II: Прочие тунгусские племена // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. Т. XXXI / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб.: Слово, 1906.
- Патканов* 1912 – *Патканов С.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.): В 3 т. Т. III: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин // Записки Императорского русского географического общества по отделению статистики. Т. XI / Под ред. В.В. Морачевского. Вып. 3. СПб.: Типография “Ш. Буссель”, 1912. С. 434–999.
- Петрова* 1967 – *Петрова Т.И.* Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967.
- Попов* 1895 – *Попов Н.П.* Река Поронай и ее инородческое население // Сахалинский календарь и материалы к изучению острова Сахалин. Б.м.: тип. на о-ве Сахалине, 1895. Отд. 2. С. 3–5.
- РГИА ДВ – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. Р-2411. Оп. 1. Д. 43.
- ПМА 2001–2004 – Полевые материалы автора. Экспедиции в Поронайский и Ногликский районы Сахалинской области. 2001–2004 гг.
- Сахалинский календарь 1898 – Сахалинский календарь на 1898 г. Б.м.: тип. на о-ве Сахалине, 1898.
- Сахалинский календарь 1899 – Сахалинский календарь на 1899 г. Б.м.: тип. на о-ве Сахалине, 1899.
- Санги и др.* 2019 – *Санги В.М. и др.* Сказки Сахалина / Под ред. Л.Б. Гашиловой. М.: ФАКТОТУМС, 2019.
- СПбФА – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 849. Оп. 5. Д. 806.
- Храбрый Мэргэ 2018 – Храбрый Мэргэ – Маңга Мэргэ – Brave Merge: уйльтинская сказка / Сост. И.В. Красильникова, О.Е. Рожнова; пер. с уйлт. яз. Е.А. Бибилова. Южно-Сахалинск: Сахалин – Приамурские ведомости, 2018.

- Tungus Dictionary 1944 – A Tungus Dictionary: Tungus-Russian and Russian-Tungus. Photogravured from the Manuscripts by the Late Prof. S.M. Shirokogoroff. Tokyo (Nippon): The Minzokugaku Kyōkai, 1944.
- Austerlitz* 1989 – *Austerlitz R.* Nivkh-Ainu-Orok Linguistic Symbiosis on the Island of Sakhalin. Unpublished manuscript dated 5.IX.[19]89. P. 1–52.
- Ikegami* 1997 – *Ikegami J.* A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997.
- Magata* 1981 – *Magata H.* (comp.) A Dictionary of the Uilta Language. Abashiri: The Society for the Preservation of Northern Region Culture and Folklore, 1981.

Научная литература

- Алпатов Л.* Сахалин (путевые записки этнографа). М.: Федерация, 1930.
- Йохансен У.* Влияние Сергея Михайловича Широкогогорова на немецкую этнологию / Пер. с нем. Д.А. Функа // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 139–143.
- Кузнецов А.И.* Ульта (ороки) // Сибирь: этносы и культуры (Народы Сибири в XIX в.). Вып. 4 / Отв. ред. З.П. Соколова. М.; Улан-Удэ: Восточно-Сибирский гос. институт культуры, 1999. С. 37–59.
- Кузнецов А.И., Миссонова Л.И.* Ороки Сахалина: проблемы современного развития (По материалам этнографической экспедиции Института этнологии и антропологии АН СССР в Поронайский и Ногликский районы Сахалинской области) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Серия А: Межнациональные отношения в СССР. 1991. № 23.
- Лопатин И.А.* Гольды Амурские, Усурийские и Сунгарийские. Опыт этнографического исследования // Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела Русского географического общества. 1922. Т. XVII. С. I–V.
- Маевич А.* Ороки в прошлом и настоящем (пер. с англ. яз.) // Краеведческий бюллетень (Южно-Сахалинск). 1994. № 2. С. 11–31.
- Миссонова Л.И.* Ульта Сахалина: основные проблемы исследований // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 61–81.
- Миссонова Л.И.* Ульта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006.
- Пилсудский Б.О.* Из поездки к орокам Сахалина в 1904 г. Южно-Сахалинск: ИМГиГ, 1989.
- Сем Ю.А.* Леопольд Иванович Шренк (1826–1894 гг.): жизнь и деятельность исследователя Приамурья, Приморья и Сахалина. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2003.
- Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю.* Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Владивосток: Дальнаука, 2011.
- Соколова З.П., Пивнева Е.А.* (ред.) Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1959–1962 годы. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2005.
- Старцев А.Ф.* Классификация и этимология этнонимов ороков Сахалина в отечественной литературе // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. № 21 (4). С. 11–31.
- Старцев А.Ф.* Нерешенные проблемы этнонимии ороков Сахалина в трудах российских и зарубежных исследователей // Россия и АТР. 2020. № 2. С. 165–178.
- Шренк Л.И.* Об инородцах Амурского края. Т. I: Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб.: Издание Императорской академии наук, 1883.

Anderson D.G., Arzyutov D.V. The *Etnos* Archipelago: Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept // *Current Anthropology*. 2019. Vol. 60. No. 6. P. 741–773.

Janhunen J. On the Ethnonyms Orok and Uryangkhai // *Studia Etymologica Cracoviensia*. 2014. Vol. 19. P. 71–81. <https://doi.org/10.4467/20843836SE.14.004.1647>

Research Article

Missonova, L.I. Ethnonyms as a Historical Source for Studying Group Identities in Northeast Asia [Этнонимия как исторический источник для определения групповой идентичности в Тихоокеанском регионе]. *Этнографическое обозрение*, 2022, no. 2, pp. 5–22. <https://doi.org/10.31857/S0869541522020014> EDN: HPXQBV ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Liudmila Missonova | <http://orcid.org/0000-0002-7376-3434> | missmila@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

Sakhalin, Amur, Northeast Asia peoples, Tungusic peoples, Manchu-Tungus, Uilta, Orok, Orochen

Abstract

The article is the guest editor's introduction to the special theme on the “Issues in Ethnonyms in Northeast Asia”, featuring contributions by A.M. Pevnov, J. Janhunen, M.V. Osipova, E.Y. Gruzdeva and M.G. Temina, and S.A. Arutyunov, based on long-term explorations and years of field research. The contributions discuss the latest developments in the study of the complex situation with ethnonyms encountered in the region and examine particularly the connections and interrelations between insular and continental ethnonyms. The authors argue that these ethnonyms reflect various levels and aspects of group identities which could be comparatively studied from both the linguistic/etymological and ethnic/anthropological points of view. What makes the present situation ever more complicated and worthy of attention is the fact that ethnonyms themselves come to exert influence on ethnic or cultural identities of various groups in the region.

References

- Alpatov, L. 1930. *Sakhalin (putevye zapiski etnografa)* [Sakhalin (Travel Notes of an Ethnographer)]. Moscow: Federatsiia.
- Anderson, D.G., and D.V. Arzyutov. 2019. The *Etnos* Archipelago: Sergei M. Shirokogoroff and the Life History of a Controversial Anthropological Concept. *Current Anthropology* 60 (6): 741–773.
- Janhunen, J. 2014. On the Ethnonyms Orok and Uryangkhai. *Studia Etymologica Cracoviensia* 19: 71–81. <https://doi.org/10.4467/20843836SE.14.004.1647>
- Iokhansen, U. 2002. Vliianie Sergeia Mikhailovicha Shirokogorova na nemetskuiu etnologiiu [The Influence of Sergei Mikhailovich Shirokogorov on German Ethnology]. *Этнографическое обозрение* 2: 139–143.
- Kuznetsov, A.I. 1999. Ul'ta (oroki) [Ulta (oroki)]. In *Sibir': etnosy i kul'tury (Narody Sibiri in XIX cent.)* [Siberia: Ethnic Groups and Cultures (Peoples of Siberia in the 19th Century)], edited by Z.P. Sokolova, 4: 37–59. Moscow; Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskii gosudarstvennyi institut kul'tury.

- Kuznetsov, A.I., and L.I. Missonova. 1991. Oroki Sakhalina: problemy sovremennogo razvitiia (Po materialam etnograficheskoi ekspeditsii Instituta etnologii i antropologii AN SSSR v Poronaiskii i Noglikiskii raiony Sakhalinskoii oblasti) [Sakhalin Oroki: Problems of Modern Development (Based on the Materials of the Ethnographic Expedition of the Institute of Ethnology and Anthropology of the USSR Academy of Sciences to the Poronai and Nogliki Districts of the Sakhalin Region)]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii. Serii A, Mezhnatsional'nye otnosheniia v SSSR* 23.
- Lopatin, I.A. 1922. Gol'dy Amurskie, Ussuriiskie i Sungariiskie. Opyt etnograficheskogo issledovaniia [The Amur, Ussuri and Sungari Golds: Experience of Ethnographic Research]. *Zapiski obshchestva izucheniiia Amurskogo kraia Vladivostokskogo otdeleniia Priamurskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva XVII*: I–V.
- Maevich, A. 1994. Oroki v proshlom i nastoiashchem [Lessons in the Past and Present]. *Kraevedcheskii biulleten' (Yuzhno-Sakhalinsk)* 2: 11–31.
- Missonova, L.I. 2002. Uil'ta Sakhalina: osnovnye problemy issledovaniia [Uilta Sakhalin: The Main Problems of Research]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 61–81.
- Missonova, L.I. 2006. *Uil'ta Sakhalina: bol'shie problemy malochislennogo naroda* [Uilta Sakhalin: Big Problems of a Small People]. Moscow: Nauka.
- Pilsudskii, B.O. 1989. *Iz poezdki k orokam Sakhalina v 1904* [From a Trip to the Oroks of Sakhalin in 1904]. Yuzhno-Sakhalinsk: IMGiG.
- Sem, Y.A. 2003. *Leopol'd Ivanovich Shrenk (1826–1894 gg.): zhizn' i deiatel'nost' issledovatel'ia Priamur'ia, Primor'ia i Sakhalina* [Leopold Ivanovich Schrenk (1826–1894): The Life and Work of a Researcher of the Amur Region, Primorye and Sakhalin]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Sem, Y.A., L.I. Sem, and T.Y. Sem. 2011. *Materialy po traditsionnoi kul'ture, fol'kloru i yazyku orokov* [Materials on Traditional Culture, Folklore and the Language of the Oroks]. Vladivostok: Dal'nauka.
- Shrenk, L.I. 1883. *Ob inorodtsakh Amurskogo kraia* [About the aliens of the Amur Region]. Vol. 1, *Chasti geograficheskoi-istoricheskoi i antropo-etnologicheskoi* [The Geographical-Historical and Anthropo-Ethnological Parts]. St. Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk.
- Sokolova, Z.P., and E.A. Pivneva, eds. 2005. *Etnologicheskaiia ekspertiza: narody Severa Rossii. 1959–1962* [Ethnological Expertise: Peoples of the North of Russia, 1959–1962 Years]. Moscow: Izdatel'stvo IEA RAN.
- Startsev, A.F. 2018. Klassifikatsiia i etimologiia etnonimov orokov Sakhalina v otechestvennoi literature [Classification and Etymology of Ethnonyms of Sakhalin Oroks in Russian Literature]. *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN* 21 (4): 11–31.
- Startsev, A.F. 2020. Nereshennye problemy etnonimii orokov Sakhalina v trudakh rossiiskikh i zarubezhnykh issledovatelei [Unsolved Problems of Ethnonymy of Sakhalin Oroks in the Works of Russian and Foreign Researchers]. *Rossiia i ATR* 2: 165–178.